

—
Закончив все дела, которые нужно было сделать заранее для открытия ресторана в обед, Гу Танцзинь и Цзи Жунся взяли небольшую корзинку и отправились в дом семьи Цзи.

Сырые юаньсяо они бережно завернули в промасленную бумагу, а запеченное таро обернули сухими листьями лотоса. Обе заготовки сложили в корзину и прикрыли сверху крышкой — вот и всё. Они пошли на такие меры предосторожности просто на всякий случай, чтобы лишний раз не привлекать чужого внимания. Ведь если бы им по пути встретились знакомые, то даже самый бесстыжий человек максимум приподнял бы крышку корзины, но не стал бы разворачивать свертки из бумаги и лotosовых листьев, чтобы высмотреть, какие гостинцы они несут родителям.

Когда они дошли до переулка Цзютан, где находился дом семьи Цзи, то еще издалека заметили одного пренеприятного старика. Отрешенный, исхудалый старик Ван-фулан как раз выходил со своим деревянным ведром — похоже, направлялся к колодцу на краю переулка за водой.

В их краях далеко не у каждого во дворе имелся собственный колодец. Те, у кого его не было, ходили за водой к общественному колодцу, выкопанному властями, и платили за это по десять вэней в месяц. Сама по себе эта встреча не стоила бы внимания, если бы старый Ван-фулан не приходился отцом мастеру Чжану, занимавшемуся лакировкой, — то есть главе той самой семьи, которая расторгла помолвку с Цзи Жунся!

Завидев Цзи Жунся, старый Ван-фулан брезгливо скривил губы. Однако Цзи Жунся прошел мимо, словно и вовсе его не заметил, лишь крепче взял Гу Танцзиня под руку и продолжил неспешно идти в сторону дома.

В свое время мастер Чжан и плотник Цзи договорились скрепить союз своих детей, когда те еще лежали в колыбелях. Деревянные изделия легко покрываются плесенью, поэтому готовые крупные предметы мебели всегда требовалось либо покрывать маслом, либо лакировать. Из-за этого семья Цзи частенько вела дела с домом мастера Чжана.

Они знали подноготную друг друга, и именно поэтому отец Цзи Жунся взял на себя смелость сосватать своего младшего сына за младшего внука семьи Чжан — Чжан Эньяо. Поскольку те тянули учебу Чжан Эньяо и вечно сидели без лишней монеты, отец Цзи Жунся помогал мастеру Чжану находить заказы, а порой подкидывал им вещи и деньги. Он со всей искренностью относился к семье Чжан и надеялся, что после свадьбы Цзи Жунся ждет безбедная жизнь, но кто же знал, что эта семья окажется столь ненадежной.

Впрочем, свадьба его старшего брата была устроена точно так же. Родня его фулана жила в деревне, у них была большая семья и много полей, а еще они владели небольшим участком на горе, где росли бамбук и плодовые деревья. Помимо земледелия, они зарабатывали на жизнь тем, что возили в город на продажу фрукты, бамбуковые побеги, а также бамбук и древесину как сырье. Семья Цзи закупала у них бамбук и дерево, и постепенно, ведя дела из раза в раз, они сблизились, узнали друг друга получше и скрепили уговор о браке. Фулан старшего брата обладал прекрасным характером, и они жили душа в душу. Так что, в конечном счете, дело было в самих людях, и винить семью за старый выбор в пользу семьи Чжан не стоило.

Чжан Эньяо учился в академии, и Цзи Жунся видел его всего несколько раз в жизни. Даже когда они сталкивались на улице, это были мимолетные встречи, так что никаких чувств между

ними не было. Раньше он думал, что у всех вокруг жизнь складывается так же, к тому же Чжан Эньяо уже сдал экзамен на звание тушэна*, а значит, считался хорошей партией. Теперь же он понимал, насколько был глуп — ведь он даже не знал, что за человек тот, с кем он собирался связать судьбу!

[*Туншэн (同生, tóngshēng) — первая ступень в сложной системе государственных экзаменов (кэцзюй) в древнем Китае, это был не один экзамен, а серия из двух испытаний (уездное и префектурное). Это ещё не учёная степень, а лишь официальный статус кандидата, получившего право сдавать экзамены более высокого уровня. По сути, это вечный «кандидат», имеющий право претендовать на звание сюцая.]

В то время Цзи Жунся «заболел» и постоянно слышал в ушах какие-то странные звуки. Из-за этого небольшого недуга мастер Чжан и расторг помолвку. Сейчас Цзи Жунся, конечно, понимал, что был совершенно здоров, но в каком-то смысле оставался благодарен тому случаю, ведь благодаря ему он обрел свое истинное семейное счастье.

Старый Ван-фулан и прежде считал, что Ся-гэр не ровня его талантливому внуку-тушэну, а уж после расторжения помолвки и вовсе возомнил себя на голову выше семьи Цзи. И теперь этот вид Цзи Жунся, который демонстративно не обращал на него внимания, разжег в его груди сильный гнев.

Он со злобой приглушил голос и, думая, что Цзи Жунся его не расслышит, процедил:

— И чего этот глухой дома не сидит, зачем вылез? Еще и калеку с собой притащил, только людей позорят!

— Ой-ой-ой, что это за писк старого комара я слышу? — звонко отозвался Цзи Жунся. — Муж, видать, еда, которую мы сегодня несем, настолько ароматная, что слетелась всякая надоедливая мошкара. Самое время прихлопнуть этого кровопийцу, чтобы над ухом не жужжал и кровь не пил.

Раньше Цзи Жунся не стал бы связываться с пожилым человеком, но раз старик Ван-фулан сам напросился на грубость, то скрывать свой характер он не собирался.

— Мой фулан прав, — Гу Танцзинь, ведя себя как послушный книжный червь, который слушается только своего фулана, кротко поддакнул ему.

Цзи Жунся, едва сдерживая смех, шутливо зыркнул на него.

Старый Ван-фулан, разумеется, прекрасно понял, в чей огород этот камень, и от злости его лицо залилось пунцовой краской.

— Ах ты, невоспитанный гэр! У тебя язык такой острый, смотри, как бы бесплодным на всю жизнь не остался! — выкрикнул старый Ван-фулан, тыча в Цзи Жунся своим иссохшим пожелтевшим пальцем.

Но Цзи Жунся даже не подумал злиться или суетиться. Он с лучезарной улыбкой ответил:

— Я вообще-то насекомых ругаю, вам-то какое дело? Сами напросились, чтобы вас отчитали, даже забавно. И спасибо, конечно, за заботу о моей судьбе, но у вас в собственном доме младшие поколения между собой разобраться не могут. Я вот смотрю на вас и думаю: в ваши-то годы могли бы и побереечь свои старые руки-ноги, пускай бы молодые за водой ходили... А то

мне прямо больно смотреть, как вы надрыгаетесь.

Старик Ван-фулан застыл, не зная, что ответить — ведь Ся-гэр формально не произнес ни одного бранного слова в его адрес! Однако эти слова укололи его куда более открытым оскорблением. Ся-гэр бил по самому больному месту, намекая на то, что его собственные дети и внуки выросли непочтительными, раз заставляют старика спозаранку таскать воду и готовить еду.

От ярости старый Ван-фулан едва не забыл, зачем шел. Он стиснул зубы, напрочь отбросил стыд и повернулся к задним воротам дома семьи Цзи, собираясь во всё горло разразиться бранью.

Когда старый Ван-фулан начинал ругаться, его было не остановить, и в ход шли самые грязные слова, от которых вяли уши. Многие соседские фуланы и молодые невестки в переулке Цзютан, которые спасались от жары у своих дверей или занимались мелкой работой, мысленно затаили дыхание от страха за Цзи Жунся.

Однако Цзи Жунся лишь мягко улыбнулся и сказал:

— Ах да, чуть не забыл добавить. Я очень люблю тишину. И если вы нарушите покой моей семьи, то я сделаю так, что у вашего внука в академии покоя не останется. Я заметил, что у ворот академии всегда полно лоточников. А мы как раз сейчас торгуем завтраками. Ох, даже не знаю, понравится ли тамошним наставникам история о том, как семья Чжан проявила черную неблагодарность и расторгла помолвку, едва я тяжело занемог.

— Ты... ты... бесстыдник! Гу-сюцай, и как ты только позволяешь ему... — старик Ван-фулан не успел договорить, как его неторопливо перебил Гу Танцзинь.

— Всё в порядке. Ся-гэр, у меня всё-таки есть ученая степень сюцай. Если нужно, я сам приду и всё расскажу, тамошние книжники наверняка с удовольствием послушают, — Гу Танцзинь улыбнулся. Видя Цзи Жунся таким живым и боевым, он чувствовал лишь искреннюю радость.

Что касается этого Чжан-тушэна... Еще перед тем как заключить брак с Ся-гэром, Гу Танцзинь связался со своими прежними знакомыми по учебе и попросил достать экзаменационные свитки этого Чжан Эньяо. Посмотрев их, он понял, что тот сдал экзамен на тушэна чистой случайностью — при расспросах выяснилось, что его имя действительно стояло самым последним в списке прошедших. Скорее всего, выше этого уровня ему уже не подняться, если только на него не снизойдет внезапное озарение. Гу Танцзинь отдал несколько книг, которые сам переписывал в префектуре, чтобы его друзья приглядывали за этим Чжан-тушэном. Этот человек даже во время расторжения помолвки не соизволил показаться, совершенно наплевав на репутацию Ся-гэра. Подобная трусость вызывала у Гу Танцзиня лишь глубокое отвращение.

— Ты!.. Да ты!.. — старый Ван-фулан долго тыкал пальцем, но больше не смог выдать ни слова.

Он никогда не видел таких сюцаев, которые во всем потакали бы своему глухому супругу. Видя, как припеваючи живет Цзи Жунся, он чувствовал, как его собственное сердце горит от зависти. С какой стати этому глухому досталась такая хорошая жизнь?

Старый Ван-фулан застыл, словно задушенная курица, не способная издать ни звука. В переулке Цзютан все прекрасно знали боевой характер Цзи Жунся — если он сказал, то обязательно сделает. Если старик сейчас устроит скандал, то не пройдет и часа, как Цзи Жунся действительно потащит Гу Танцзиня разворачивать прилавок у стен академии. А судя

по виду Гу Танцзиня, тот во всем поддержит своего фулана.

— Проклятый... — едва слышно буркнул старик, плюнул на землю и, поджав хвост, поспешил убраться к себе домой, так и не набрав воды.

— Наш Ся-гэр всё такой же боевой! Когда семья Чжан расторгали помолвку, он лежал пластом из-за болезни, иначе еще тогда так отчитал бы их, что они головы поднять не посмели бы, — стоявшая напротив дома семьи Чжан тетушка Чжао, наблюдавшая за всей этой сценой, заулыбалась во весь рот.

— Вот именно! Теперь-то я окончательно понял: они умеют только на слабых нападать, а перед сильными пасуют! — при упоминании об этом Цзи Жунся всё еще немного злился. Причем злился он не из-за самой расторгнутой помолвки, а из-за того, что эти Чжаны ни во что не ставили семью Цзи и растоптали искреннюю доброту его родителей.

Гу Танцзинь мягко сжал его ладонь, и только тогда Цзи Жунся немного поостыл.

У порога соседнего дома, спасаясь от жары под навесом, сидел старик Чэн. Он окликнул его:

— Ся-гэр, ты снова в гости? Как же хорошо тебе живется в семье Гу, раз можешь так часто навещать родных.

— И не говорите, дедушка Чэн, в семье Гу все люди широкой души, — Цзи Жунся сказал это без тени лукавства. Семья Гу действительно отличалась благородным нравом, да и родственников было мало, так что жилось ему там исключительно спокойно и радостно!

Пока они разговаривали на улице, Хун Юэлянь услышала сквозь приоткрытую дверь знакомые голоса. Она с удивлением распахнула створку и увидела, что её младший сын и зять стоят прямо у порога.

— Ох, вы здесь! Раз пришли, чего на улице стоите? Заходите скорее в дом, жара ведь невыносимая, — засуетилась Хун Юэлянь.

Молодые люди попрощались со стариком Чэном и вошли внутрь.

Цзи Жунся не стал упоминать о неприятной стычке у ворот, а сразу перешел к делу:

— Мама, мы с Танцзинем хотим посадить кое-какие овощи, а земли во дворе Гу нам не хватает. Я подумал взять у нас несколько деревянных кадок, засыпать их землей и использовать под посадки.

— Отчего же нельзя, конечно можно. Только сейчас готовых в доме нет, я попрошу твоего отца сколотить их для вас. Как сделает, твой старший брат отвезет их вам, — Хун Юэлянь пригласила их пройти и присесть в главной комнате.

Плотник Цзи и Цзи Жунху как раз работали под навесом во дворе, занимаясь плотницким делом. Услышав разговор, Цзи Жунху поднял голову:

— Ладно. У нас за последнее время накопилось много обрезков, я сколочу тебе несколько кадок побольше. Как будут готовы, сам привезу.

— Спасибо, брат! — звонко поблагодарил Цзи Жунся.

Гу Танцзинь тоже добавил:

— Премного благодарен вам, брат, отец.

Цзи Жунху утер пот с лица, блеснул белозубой улыбкой и тут же снова погрузился в работу. Плотник Цзи был еще более неразговорчивым — он лишь поднял взгляд, посмотрел на них двоих и молча кивнул.

— Нечего с ними стоять, эти двое вечно молчат как рыбы, из них и трех слов клещами не вытянешь, — Хун Юэлянь вздохнула. — Слава богу, мы с Чэн-гэром хоть немного умеем разговаривать, а то как Ся-гэр замуж вышел, в доме совсем тишина наступила бы.

Цянь Сюэчэн принес две пиалы со сладкой водой:

— Выпейте водички. На улице такая жара, поди, пока шли, совсем жажда замучила.

— Гэ-фулан (郭福兰, Gē fū lán — фулан старшего брата), я бы и сам справился, — улыбнулся Цзи Жунся. — Кстати, гэ-фулан, я принес вам запеченного таро и юаньсяо. Юаньсяо нужно скорее сварить и съесть, а то в такую жару они долго не пролежат. Это я сам всё приготовил, вкуснятина невероятная!

Приняв пиалу с водой, Цзи Жунся хлопнул себя по лбу, вспомнив про гостинцы, и поспешно сунул корзинку в руки Цянь Сюэчэну.

Цянь Сюэчэн был замужем за старшим братом уже больше года и прожил бок о бок с Цзи Жунся почти столько же, поэтому давно привык к его живому и порывистому характеру.

— Тогда вы пока посидите, а я пойду на кухню и сварю их. Вместе и попробуем, какое угощение приготовил наш Ся-гэр. Вы ведь тоже поедите с нами, прежде чем уходить? — с этими словами Цянь Сюэчэн направился к кухне.

Гу Танцзинь поспешил отказаться:

— Мы сегодня уже позавтракали. Ся-гэр принес это специально для того, чтобы отец, матушка, старший брат и гэ-фулан, смогли угоститься.

Цянь Сюэчэн лишь улыбнулся и ушел на кухню.

Цзи Жунся порывался пойти следом, чтобы помочь, но Хун Юэлянь удержала его за руку:

— Ты думаешь, наша кухня такая же просторная, как в вашем ресторане? У нас туда едва один человек помещается, вдвоем уже не развернуться. Нечего там путаться под ногами.

— Вовсе я и не путался бы, — буркнул Цзи Жунся, но послушно остался на месте. Он подумал, что если уйдет, Танцзиню придется сидеть один на один с его матерью, а это было бы неловко.

— Я сейчас слышала, как вы там на улице шумели и переругивались. Неужто с кем-то повздорили? — Хун Юэлянь было не провести. Хоть она и не разобрала слов, но по интонациям сына сразу обо всем догадалась.

— Моей вины тут нет, я вообще пытался его стороной обойти... — и Цзи Жунся в подробностях пересказал всё, что произошло у колодца.

— Тьфу на него! Так и надо этому старику! Раз сам первый начал на нас наговаривать, то и получать по заслугам должен, мы не из трусливых. Ся-гэр, ты всё правильно ему высказал! — Хун Юэлянь с грохотом хлопнула ладонью по столу, когда узнала, что старый Ван-фулан

посмел назвать её сына глухим, а зятя — калекой.

Видя такую картину, Гу Танцзинь лишь мягко улыбнулся. Про себя он подумал, что теперь окончательно понял, в кого у Ся-гэра такой бойкий и вспыльчивый характер.

—

<http://bllate.org/book/17885/1719956>